

A dramatic painting depicting Napoleon Bonaparte in the center, wearing a blue bicorne hat and a grey military coat over a white waistcoat with a red sash. He has a serious expression. Behind him stand four guests from the future: two men in 19th-century military uniforms and two women in elegant 19th-century dresses. In the foreground, on either side of Napoleon, are two soldiers in ornate military uniforms with tall hats. The background is a fiery, smoky landscape, suggesting a battlefield or a dramatic setting.

Наполеон и гости из будущего

Ольга Пахмутова

Ольга Пахмутова

Наполеон и гости из будущего

«Автор»

2026

Пахмутова О.

Наполеон и гости из будущего / О. Пахмутова — «Автор», 2026

Отряд агентов будущего «Гроза» едва успел вернуться из эпохи Киевской Руси, как командование тут же отправляет его на новое задание. Полковник Соколов воспринимает миссию как тяжёлое бремя, сержант Сидоров — с предвкушением, инженер Котов сомневается в стабильности хроноранца, а агент Малевич остаётся невозмутимым.

© Пахмутова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Миссия в пламени 1812 года	5
Глава 2	9
Сюрприз из будущего	9
Глава 3	11
Карета в прошлое	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Наполеон и гости из будущего

Глава 1

Миссия в пламени 1812 года

Отряд «Гроза» ещё не успел стряхнуть с амуниции вековую пыль Киевской Руси, как судьба — в лице командования — уже занесла над ними свою историческую длань. Капитан Владимир Соколов, недавно произведённый в полковники и оттого ощущавший каждый миллиметр новых погон как бремя государственной важности, мрачно взирал на приказ. Сержант Сидоров — человек, чья душа была проста, как устройство лома, но надёжна, как тот же лом, — уже предвкушал очередную вылазку. Инженер Котов, вечно перепачканный машинным маслом и скепсисом, копался в настройках хроноранца, бормоча о нестабильности потоков. И лишь специальный агент Роман Малевич, чей взгляд, казалось, пронзал саму ткань реальности, спокойно складывал амуницию, с лёгкой усмешкой слушая новые вводные.

— Значит, так, господа офицеры, — отчеканил полковник Соколов; его голос скрежетал, как несмазанная рессора. — Вводная: Москва, сентябрь 1812-го. Пожар. Цель — реликвия из дома Мусина-Пушкина. Летопись, за которой учёные из будущего готовы продать душу дьяволу.

— Языковой барьер, — коротко бросил Малевич, не отрывая взгляда от карты. — Без французского мы там как глухонемые на ярмарке.

— Вот именно поэтому, — полковник скривился, словно проглотил лимон, — командование решило усилить группу э-э-э лингвистической поддержкой.

Дверь отсека распахнулась, и в помещение впорхнули два изящных, словно вырезанных из фарфора, создания. Идеальный французский протокол в юбках, с глазами, горящими интеллектом и каким-то опасным пониманием суеты мужского мира. Полковник Соколов, который ещё минуту назад чувствовал себя вершителем судеб, вдруг ощутил себя неловким школяром. Он побагровел, вытянулся по струнке и рывкнул что-то нечленораздельное, больше похожее на кашель раненого лося.

Сержант Сидоров, завидев «подкрепление», расплылся в улыбке, от которой у новобранцев обычно подкашивались колени, и козырнул с такой лихостью, что едва не сбил лампу дневного света. Инженер Котов, наоборот, оживился, с интересом разглядывая не столько девушек, сколько их непривычную для боевого выхода экипировку, явно прикидывая, сколько полезных вещей можно туда запихнуть поверх словарей.

— Та-ак, — протянул Сидоров, подмигивая Котову. — Жизнь налаживается.

Полковник Соколов, наконец обретя дар речи, бросил злой взгляд на Малевича, который с невозмутимым видом наблюдал за этой сценой, словно режиссёр за плохо сыгранным спектаклем. «Ну, здравствуй, историческая справедливость, — подумал Соколов, затягивая ремни разгрузки. — Здравствуй, Бонапарт проклятый. И здравствуйте, проблемы, имя которым — две очаровательные переводчицы». Война вступала в новую фазу, где порох пахнет женскими духами, а главный враг — не французский гренадер, а собственная солдафонская гордость.

Воздух в кабинете полковника Соколова, казалось, загустел до консистенции киселя. Инженер Котов, мужчина с руками, привыкшими к рычагам и трансмиссиям, нервно теребил пуговицу на кителе. Сержант Сидоров, чья душа была проста и прямолинейна, как штык-нож, сидел с таким видом, будто проглотил гвоздь.

Всё началось час назад, когда на пороге лаборатории материализовались два дивных создания. Две переводчицы с французского — так было сказано в приказе. Сказано было скупое, сухо, по-военному. Сидоров, увидев русые локоны и смеющиеся глаза одной из барышень, уже мысленно подбирал слова для галантного знакомства. Котов, более искушённый, оценил изящный изгиб бровей второй девицы и мысленно поставил галочку: «В кампании будет не скучно».

Но тут вступил спецагент Роман Малевич. Он вошёл бесшумно, как сгусток тени, и положил на стол тонкую папку с матовым гербом.

— Знакомьтесь, — произнёс Малевич голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Мадемуазель Леруа и мадемуазель Дюбуа.

Девушки синхронно склонили головы, улыбнувшись. Сидоров уже открыл рот, чтобы отпустить комплимент, но Малевич его опередил, зачитывая резюме:

— Ликвидация группы «Чёрный Легион» на Марсе-Старом. Операция «Шёпот». Обезвреживание агентов внедрения на станции «Титан-9». Координация огня с орбитального крейсера в секторе Ф-7. Обе имеют допуск к квантовым протоколам класса «Эпсилон». — Малевич поднял на Сидорова и Котова свои стальные глаза. — Межгалактический уровень. Ваш французский, джентльмены, — их дополнительная, так сказать, квалификация. Вроде хобби.

Сидоров поперхнулся воздухом. У Котова пуговица на кителе жалобно звякнула, сорванная нервным движением. План «приударить» провалился, превратившись в одно лишь осознание собственной ничтожности перед столь звёздными биографиями.

Малевич, не обращая внимания на драму, развернул на столе голографическую карту, которая засияла над полированным деревом, являя собой горящие усадьбы и фигурки солдат в киверах.

— Время: сентябрь 1812 года. Задача: сохранение культурного наследия. Согласно летописям и докладам современников, легендарная реликвия, хранящаяся в доме Мусина-Пушкина, уничтожена пожаром, учинённым отступающими частями наполеоновской армии. Наша цель — сделать так, чтобы она «сгорела» до того, как её могли бы найти, и осталась в схроне до лучших времён. — Малевич обвёл взглядом присутствующих. — Работа тонкая. Почти ювелирная.

Котов смотрел на горящие на карте усадьбы и чувствовал, как научный атеизм в его душе уступает место мистическому ужасу. Сидоров, покосившись на хрупкие плечи «переводчиц», теперь видел в них не объекты для ухаживаний, а два заряженных модуля, готовых испепелить любого, кто встанет на пути. Французская кампания обещала быть не просто опасной — она обещала быть неловкой и совершенно не соответствующей их первоначальному, таким трогательным, джентльменским амбициям.

Отряд «Гроза» готовился к телепортации в прошлое. В горнило 1812 года. Амуниция была подогнана, исторический реквизит разложен по ранцам, учёные в соседнем отсеке уже заканчивали настройку машины, готовясь отправить нас напрямую в объятия Бородинского сражения. Но перед самым стартом, как водится, грянул конфликт.

— Женщин брать не надо, — отрубил полковник Соколов, человек, чей взгляд, казалось, пронзал ткань мироздания, но упорно не замечал очевидного. — Это опасно. Бабы в разведке — лишняя обуза. Принесут нам одни проблемы. — Он скрестил руки на груди, излучая непоколебимую уверенность самца-доминанта, который вот-вот сядет в лужу.

Тишина в отсеке стала такой плотной, что её можно было резать шпагой. Агент Мария, известная под псевдонимом мадемуазель Леруа, — женщина, чья истинная сущность скрывалась за изящными манерами и улыбкой, за которой угадывался алмазный расчёт, — медленно подняла бровь.

— Полковник, — произнесла она голосом, ласковым, как лезвие гильотины, — вы, кажется, забыли, что тестирование новых протоколов рукопашного боя проводили именно со мной. Вы настаиваете?

Соколов хмыкнул, но в его глазах мелькнула тень сомнения. Мария не стала ждать ответа. Она вызвала полковника на ближний бой. Честно, благородно и с предсказуемым финалом. Через десять секунд Соколов, красный, как знамя, и слегка припадающий на левую ногу, уже лежал на полу, а Мария, отряхнув подол платья, торжествующе обвела взглядом присутствующих. Мужчины-агенты — хранили гробовое молчание. Никто не решился даже хмыкнуть в поддержку побеждённого.

— Лиза, — бросила Мария, не оборачиваясь. — Идём. У нас ещё есть шанс успеть до того, как эти «герои» проспорят следующую сотню лет.

Мадемуазель Дюбуа, чьи глаза хранили тайны глубже, чем любой сейф, молча поправила шляпку и, цокая каблучками, последовала за подругой к кругу телепортации. Мужчины зашли следом за наглыми дамами в полной и немного робкой тишине. Энергия загудела, запела, разрывая воздух на атомы. Привычный мир распался на спектры, уступая место чему-то первозданному, живому, дышащему.

Отряд «Гроза» материализовался с лёгким хлопком, словно кто-то неудачно открыл бутылку прокисшего кваса, и обнаружил себя не в будуаре, а в деревне под Москвой. В деревне, где пахло не духами, а конским потом, кислым пойлом и неизбежностью испорченного вечера.

Вокруг сновали французы — они волокли бочонки с порохом и смотрели на пришельцев как на забредшую в лавку дичь, которую можно зажарить без особого рецепта.

— Чёрт, — сказал Котов, оглядывая замызганный сарай, в который мы вляпались, и почесал затылок, щедро рассыпая перхоть эпохи. — Я, конечно, допускал погрешность в расчётах, но не думал, что нас зашвырнёт прямо в миску с гречневой кашей. Причём без масла.

Мадемуазель Леруа, оценив обстановку с видом королевы, которую пригласили чистить нужник, вздохнула так, что у сарая чуть не отклеилась крыша, и светским тоном произнесла:

— Господа, кажется, мы ошиблись поворотом. Вместо усадьбы — хлев. Вместо шампанского — запах серы и грязных портянок. Будем импровизировать, как комедианты в балагане.

Полковник Соколов, который всё ещё пытался просверлить взглядом леди Мэри, наконец признал очевидное.

— Мы в хлеву, — согласился он, и это была, пожалуй, самая точная оперативная сводка за последние двести лет. Прибытие было не в той локации.

Роман Малевич улыбнулся той самой кривой улыбкой поэта, который понял: ямб и хорей — не главное, когда враг под боком, и тихо передёрнул затвор.

С визгом распахнулась дверь сарая, и на пороге возник французский поручик с лицом, напоминающим подгоревший блин. Он что-то закричал на своём наречии, требуя объяснений и, вероятно, пароля.

— А вот и наш билет в Европу, — хмыкнул Котов и, не целясь, впечатал кулак в челюсть поручика. Тело француза осело в лужу, подняв фонтан грязных брызг.

Дальше всё закрутилось. Они не были рыцарями на белых конях. Они были людьми с автоматическими винтовками в эпоху ружейных замков. Первые выстрелы разорвали тишину вечера сухим, непривычным треском. Вокруг началась паника: французы, привыкшие к линейной тактике, увидели, как их товарищи падают замертво без грохота пушек и свиста ядер. Они решили: это — дьяволы, призванные из преисподней, чтобы наказать их за любовь к круассанам и Наполеону.

Спецзадание отряда «Гроза», зашифрованное в приказе из штаба, лежало у Соколова в планшете, а так как прибытие было не по плану, как впоследствии напишет Соколов в отчете, было решено: «Дестабилизировать тыловое обеспечение противника, ликвидировать ключевые запасы горючего, вывести из строя штабную связь. Крайней мерой — дискредити-

ровать французское командование в глазах солдат. Срок — до полуночи». По сути, им нужно было устроить конец света в отдельно взятом бивуаке и сделать это так, чтобы Наполеон подумал, будто у него началась белая горячка от московской осени.

— Поджигаем всё, — скомандовал Соколов, вытирая с лица чью-то кровь. — Жги, Малевич, чтоб до Парижа было видно.

Роман вытащил зажигалку, щёлкнул колёсиком. Огонёк вспыхнул, осветив его безумные глаза. Он поднёс её к копне соломы, валявшейся у штабной палатки. Ветер подхватил искры, и через минуту пламя лизнуло сухую брезентовую крышу. Запахло жареным — и не только гусем.

Началось светопреставление. Французы, позабыв о дисциплине, бросились тушить пожары вёдрами с вином и собственными мундирами. Отряд носился между ними, как тени, сея хаос и маету. Котов умудрился разбить бочку с ромом о голову квартирмейстера, и теперь вокруг пахло не революцией, а ромовой бабой. Мадемуазель Леруа, улучив момент, подбросила в штабную палатку дымовую шашку, сделанную из тротилового запала и сахарной пудры. Всё заволокло густым, белым, сладковатым туманом.

Из этой дымной завесы, кашляя и ругаясь на смеси французского и матерного, вылетел адъютант Бонапарта с лицом человека, только что осознавшего, что эпоха кончилась. Он орал, что связь порвана, порох намок, а самого императора тошнит от запаха гари. Издалека, сквозь треск горящих палаток, донёсся чей-то истошный вопль: «C'est le diable!» — «Это дьявол!».

— Это вам за пра-пра-пра-пра-пра — Соколов запутался, перечисляя праотцов, вздохнул и вытер рукавом пот со лба.

Глава 2

Сюрприз из будущего

Пыль осела на битые черепки французской доблести. Деревня, пропахшая порохом и разлитым бордо, являла собой живописное месиво из опрокинутых телег, разорванных мундиров и мычащих от боли солдат в синем. Спецотряд «Гроза», сверкая начищенными до звёриного блеска зубами, утирал пот со лбов, озирая плоды своих трудов. Ещё минуту назад здесь кипел бой, а теперь — лишь стоны поверженных «великих завоевателей».

— Ну что, господа офицеры, — Роман Малевич, агент с лицом, не предвещающим ничего хорошего, пренебрежительно пнул носком сапога треуголку, валявшуюся в луже, — повеселились? А теперь вспомните, зачем нас сюда, мать вашу, занесло. Мы не с макаронниками разборки устраивать пришли, а за реликвией. Задание из будущего, между прочим. Пока мы тут бока французам мяли, Бонапартий наш драгоценный уже, поди, на подходе к Москве.

Тишина. Только где-то вдалеке каркнула ворона, словно издеваясь над легкомыслием отряда. Полковник Соколов, мужчина с лицом, высеченным из уральского гранита, и с таким же характером, задумчиво почесал щетинистый подбородок.

— Роман прав, — наконец изрёк Соколов; голос его звучал как скрежет железа по стеклу. — Показательные выступления были лишними. Нам нужно мчать. И мчать со всей возможной скоростью.

Сержант Сидоров, кряжистый мужик с повадками медведя-шатуна, сплюнул сквозь зубы и кивнул в сторону разбитой французской колонны:

— А чего гадать-то? Вон у супостатов карета целехонькая стоит. Ещё и лошади, небось, не разбежались. Конфискуем транспортное средство в пользу революции, то бишь нашего великого будущего.

Агентессы, переодетые под француженок, — мадемуазель Дюбуа и мадемуазель Леруа, — до этого момента с каменными лицами наблюдавшие за кровавой баней, оживились. Дюбуа, женщина с цепким взглядом и манерами аристократки, поправила кружевной чепец, испачканный в чужой крови, и сладко улыбнулась:

— Прекрасная идея, сержант. Я как раз присмотрела себе экипаж. Тёмно-синий, с гербом. Очень милый. Будет напоминать мне о доме.

Леруа, её напарница, более молчаливая, лишь усмехнулась, блеснув глазами из-под накладных ресниц. Она уже мысленно примеряла на себя роль капризной графини, которую везут в пылающую столицу.

— Значит, так, — подвёл черту Малевич, хлопнув в ладоши. — План простой, как три рубля. Берём карету, грузим в неё наши тела, грузим этого гения инженерной мысли, — он ткнул пальцем в Котова, — и гоним в Москву. У нас считанные часы, чтобы найти побрякушку, пока французский император не устроил городу фейерверк. Всем всё ясно? Тогда погнали. Время — деньги, а деньги, как известно, имеют свойство сгорать в огне истории.

Карета, реквизируемая у бегущих французов, грузно качнулась, принимая пассажиров из иного века. Лошади — тощие, с въевшейся в бока дорожной пылью — нервно прядали ушами, ещё не остыв от чужой паники. Отряд «Гроза» вползал в эпоху, как игла в шов, оставляя за спиной корчившегося на земле француза.

Тот, избитый, но не сломленный национальной гордостью, решил, что судьба дарует ему реванш. Мгновение — и его грязная рука сомкнулась на щиколотке проходившей мимо мадемуазель Дюбуа. Не успела дама вскрикнуть, как агентесса из будущего, не глядя, с филигранной точностью отмерила пинок. «Merde, cochon!» — французское ругательство вылетело из

уст гостыи времён раньше, чем её сапог коснулся рёбер незадачливого мстителя. Тот взвизгнул и свернулся калачиком, признав своё ничтожество перед напором тысячелетия.

Дамы Леруа и Дюбуа синхронно фыркнули, будто две разомлевшие от жары кошки, и, подобрав юбки, единым грациозным движением исчезли в глубине кареты.

— Сударь, — раздался из темноты ледяной голос Дюбуа, обращённый к теням команды, — соблаговолите ускорить наше отбытие. Эта эпоха провоняла потом и отчаянием.

Агент Роман Малевич, прищурившись на низкое, уже нежаркое солнце, щёлкнул хронометром на запястье:

— Господа, позвольте освежить хронологию. Сегодня — 27 августа по местному времени. Бородино было вчера. Вчера, — он подчеркнул это слово, — а Москва сторит ровно через шесть дней. Прошу всех ускориться. Мы не в турне по дворянским усадьбам.

Сержант Сидоров, поправляя португеею, изрек:

— И этот корсиканец считал себя гением? Сжёл собственную победу.

В карете прыснули смехом. Малевич даже не обернулся, лишь бросил через плечо:

— Сидоров, я ставлю вам «два» по истории. И это ещё за красивые глаза. Никто не знает, кто именно отдал приказ о пожаре. Ни Александр, ни Кутузов, ни Ростопчин, ни сам Бонапарт. Документы молчат. Как молчат и про приказ Наполеона взорвать Кремль и храм Василия Блаженного, который он, по иронии, принял за мечеть. Взорвали, да впопыхах, без толку. А вы — «гений». Учите матчасть.

Инженер Котов и сержант Сидоров, кряхтя, взгромоздились на козлы. От них пахло смазкой и порохом — запахом их настоящей эпохи. Недовольный Соколов, буркнув что-то о духоте и тесноте, плюхнулся на сиденье рядом с дамами. Малевич запрыгнул последним, уже на ходу ухватившись за дверцу, и захлопнул её с глухим, весомым стуком.

— Навигатор бы включить! — крикнул с места кучера Котов, перекрывая стук копыт.

Из кареты донёсся ироничный голос Малевича:

— Езжай по ветру, инженер. По ветру истории.

Глава 3

Карета в прошлое

Полковник Соколов, расправив плечи и окинув взглядом свою разношёрстную команду, решил, что пробил час знакомства. Голос его, чуть хрипловатый от дорожной пыли, звучал с нарочитой торжественностью, но в уголках губ уже таилась усмешка, готовая сорваться в улыбку.

— Итак, дамы и господа, — начал он, — ехать нам не близко. В карете прошлого, так сказать. Посему предлагаю знакомиться детально, с именами да паролями. Шучу. Вас же, полагаю, зовут не Дюбуа и не Леруа?

Взгляд Соколова упёрся в двух женщин, затянутых в шёлк и кружева восемнадцатого века. Они походили на ожившие портреты из парадной залы забытой усадьбы — изящные, неестественные, словно сошедшие с полотна кисти забытого мастера.

— Меня зовут Мария Торшер, — с лёгким поклоном произнесла одна, поправляя фижмы, взметнувшиеся облаком ткани.

— А я — Луиза Жалюзи, — вторила ей вторая, стрельнув глазами, словно пулями.

Соколов крикнул, изображая удивление, но в глазах заплясали смешинки.

— Что за фамилии такие? — всплеснул он руками.

— Торшер, Жалюзи, — передразнил он девушек, растягивая слоги.

Карета вздрогнула от дружного смеха. Даже невозмутимый Малевич, сидевший в углу, позволил себе лёгкую улыбку, тронувшую уголки губ.

— Ладно, — отсмеявшись, продолжил Соколов, — теперь мы с Романом представимся — А мы уже прочитали инструктаж, — парировала Лиза, вскинув подбородок, словно королева. — В отличие от некоторых.

Мария, поддержав подругу, продолжила с лукавой интонацией, словно кошка, играющая с мышью: — В роли кучеров сегодня — Котов Иван и Сидоров Николя. Вас же, Владимир, и вы, Роман, зовут. Дилетанты.

Светская болтовня, словно кружево, плелась вокруг, лёгкая и воздушная, но её оборвал грубый рывок. Карета, жалобно скрипнув рессорами, резко остановилась. Тишина, повисшая внутри, была тяжелее свинцовой пули — она давила на плечи, сжимала горло. Сидоров спрыгнул с места кучера и, подбежав к окну, выпалил то, чего ждали и боялись: — Впереди французы!

Малевич, до этого молчавший как рыба, встрепенулся. В его руках уже была дорожная сумка, пальцы дрожали от напряжения.

— Так — голос его обрёл стальную твёрдость. — Меняем костюмы. Словно по мановению волшебной палочки, команда пришельцев из будущей России преобразилась. Уникальные костюмы, сотканые из нанонитей и чудес науки, менялись мгновенно для разных ситуаций — это была разработка учёных для путешествий по времени. Сейчас одежда приобрела вид формы французских солдат: синие мундиры, белые ремни, медные пуговицы, блестящие в тусклом свете. Спустя мгновение в карете сидели не люди двадцать первого века, а вояки Великой армии, словно перенесённые сюда из самого ада кампании.

— Значит, так, — Малевич подался вперёд, и его шёпот был острым, как лезвие, — Соколов и остальные молчат. Только мы с девочками общаемся. Исключительно на французском. Всем ясно? Дальше была картина маслом и показательное шоу. Малевич с девочками, словно заправские актёры, начали флиртовать друг с другом, щебеча на чистейшем парижском

диалекте — голоса их звенели, как хрусталь, смех рассыпался жемчугом. Сквозь смех и кокетливые взгляды они протянули солдату, сунувшему голову в окно, бумагу. Подделку. Письмо от самого Наполеона, скреплённое искусно вырезанной печатью. — Едем к Москве, — небрежно бросила Мария, поправляя локон, упавший на плечо.

— По личному поручению его величества. Ошарашенные солдаты, видимо, не привыкшие к тому, что приказы императора развозят такие очаровательные курьеры, переглянулись и, козырнув, отошли. Дорога была свободна, но тревога осталась висеть в воздухе, как дым над полем боя.

Карета «Грозы» мерно покачивалась на ухабах разбитой дороги, унося странный отряд всё дальше от места недавней встречи с французами. Гул колёс и цокот копыт навевали успокоение, но тревога не отпускала: воздух был пропитан гарью и порохом, словно само небо над Россией выдохнуло боль Бородинского поля, и эта боль въелась в лёгкие, оседая горьким привкусом на языке. Встреча с вражеским дозором оказалась лишь рябью перед бурей. Буря ждала впереди, затянутая мраком неизвестности. Древняя, измученная земля впитывала весть: Кутузов, взвесив на незримых весах кровь своих солдат, принял страшное решение. После ночи, когда он приказал было атаковать, командующий отменил приказ — его голос, глухой и усталый, прозвучал в тишине шатра как приговор.

Армия, поредевшая, но не сломленная, под покровом тьмы снялась с позиций. Арьергард прикрывал отход. Цель была одна — увести войска к Можайску, а затем и к Москве, чтобы у стен древней столицы привести полки в порядок, дожидаться резервов и дать новое сражение. Место уже присмотрели — у села Троицкое, на Воробьёвых горах, где ветер играл с листвой, не ведая о грядущей крови. Но судьбе было угодно внести свои коррективы.

— Господа, мы, кажется, прибыли, — сухо констатировал Соколов, выглядывая в окно. — Только встречают нас не как послов. Отряд, застигнутый врасплох зрелищем собственной истории, совершил роковую оплошность. Заворожённые видом измученных, но суровых лиц соотечественников, бредущих в колоннах, они забыли о своей униформе. Французские мундиры горели синим и зелёным среди серых шинелей, словно плевок в лицо солдату, потерявшему вчера товарища. Когда эскорт русских солдат, рослых и хмурых, с глазами, налитыми сталью, окружил карету, стало поздно что-либо менять. Словно сеть захлопнулась. Дверца распахнулась. В проёме появился офицер. Взгляд его, налитый свинцовой усталостью и жгучей ненавистью, скользнул по сидящим. Увидев синие мундиры, он выдохнул сквозь зубы такую славянскую цветистую фразу, что даже выдавший виды Котов присвистнул. Офицер был зол: он потерял половину роты под Бородином, и эта потеря жгла его изнутри.

— Расстрелять! — рявкнул он, не тратя время на допрос, и голос его сорвался в хрип. — Всю погань на месте. И бабу ихнюю — он махнул рукой, не находя слов, подразумевая самое оскорбительное, что могло прийти в голову. Мэри, которую офицер счёл дамой полусвета, следующей за армией, вскинула голову. Её голос, резкий и ледяной, словно сталь, вынутая из ножен, разрубил тишину: — Молчать! Я имею важное донесение лично для генерала Кутузова. Вы ответите за каждую секунду промедления. Роман Малевич дёрнулся было перебить её, осадить, но лишь стиснул зубы, поняв, что момент упущен, и слова застряли в горле.

Котов и Сидоров, сидевшие на козлах, попытались вмешаться, но их тут же оборвали грубыми окриками: — Цыц, изменники! Предатели земли русской! Солдаты сплюнули под ноги, и ребята, оценив ситуацию, благоразумно умолкли, сжавшись под градом презрения. Соколов вздохнул, окинув взглядом свой отряд. Он задал вопрос, в котором не было ни надежды, ни страха, лишь горькая ирония, как привкус полыни: — Ну и на кой нам этот Кутузов? Нам просто в Москву нужно было. За реликвией.

— Да ладно, — усмехнулся Малевич, пытаясь сохранить бравату, хотя голос его дрогнул. — Пообщаемся с исторической личностью. Делов-то. Агент Лиза округлила глаза до размеров червонца. Голос её дрогнул, словно струна, готовая лопнуть: — Эта историческая личность

сейчас прикажет нас расстрелять. Вы французские мундиры нацепили. Где доказательства, что мы свои? Где?! Тишина в карете стала вязкой, как болото, затягивающее в бездну. Солдаты уже стаскивали с плеч ружья, и металл звякнул, предвещая смерть. Соколов нахмурился, провёл ладонью по лицу, стирая пыль веков, и щелчком пальцев вернул отряд к реальности. — Ать, стоять! — скомандовал он солдатам, но те лишь злее засопели, сжимая приклады.

— Извольте сопроводить нас к Кутузову. У нас важное донесение! Мы свои!

Пока карета с арестованной командой будущего двигалась в сторону Москвы, главный куратор группы решил напомнить всем важную информацию. Слова его лились, как вода, разбавляя тишину.

— Друзья мои залётные! — возвестил Роман Малевич, и голос его зазвучал с лекторской интонацией. — А. И. Мусин-Пушкин, страстный собиратель древностей, обладал поистине бесценным сокровищем. В его собрании хранились такие жемчужины русского прошлого, как Лаврентьевская летопись, та заветная рукопись «Слова о полку Игореве», Троицкая летопись и множество других. Он не просто бережно хранил эти реликвии, но и щедро делился ими с научным миром — к примеру, изданием «Поучения Владимира Мономаха», обрётённого в Лаврентьевской летописи. Но роковая весть: почти вся его обширная коллекция сгинула в зареве пожара 1812 года. В это же время Н. М. Карамзин, с головой погружённый в титанический труд над «Историей государства Российского», остро нуждался в первоисточниках. Он не раз обращался к Мусину-Пушкину за драгоценными рукописями — теми, что были необходимы для его кропотливых исследований. И вот, как нарочно, в 1812 году часть этих манускриптов пребывала у Карамзина, а не в пылающем доме коллекционера. Так, по иронии судьбы, эти бесценные свидетельства истории были спасены. Что же чудом уцелело? Среди сохранившихся у Карамзина сокровищ были, например, Двинские грамоты, Судная грамота новгородцев, договор Новгорода с польским королём Казимиром. Позднее эти драгоценные страницы обрели приют в Карамзинской библиотеке в Симбирске (ныне — Ульяновск), а в 1879 году осели в Императорской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. Буквально за год до войны, в 1811 году, Мусин-Пушкин преподнёс в дар Лаврентьевскую летопись самому императору Александру I, и манускрипт был передан в Императорскую Публичную библиотеку. Вот почему этот важнейший источник истории сохранился для потомков. Таким образом, связь с 1812 годом такова: пожар уничтожил пламя коллекции Мусина-Пушкина, но те рукописи, что в тот роковой час находились у Карамзина, чудом вырвались из огня, словно птицы из клетки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.